

**Данное издание оцифровано
в Воронежской областной
универсальной научной библиотеке
им. И.С. Никитина**

394018, г. Воронеж, пл. Ленина, 2 / ул. Орджоникидзе, 36

Понедельник– четверг 9.00-20.00

Суббота, воскресенье 12.00-20.00

Пятница -выходной

<http://vrnlib.ru>

<http://vk.com/vounb>

e-mail: vounb@mail.ru

+7 (473) 255-05-91

ПРИЗВАНІЯ
КЪ ВОРОНЕЖСКИМЪ
ЕПАРХІАЛЬНЫМЪ ВЪДОМОСТЯМЪ.

М а я 1-го № 9. 1867 года.

Содержаніе. — Климента, Александрійскаго пресвитера, Стромать (т. е. Узоровъ) книга первая. (Продолж.). — Поученіе къ сельскимъ прихожанамъ на утрени перваго дня Пасхи. — Слово въ день св. Пасхи. — Христіанская любовь и современность. — Разныя извѣстія. — Объявленіе.

Климента, Александрійскаго пресвитера,
СТРОМАТЬ (Т. Е. УЗОРОВЪ) КНИГА ПЕРВАЯ.

(Продолженіе).

Искусство слагать рѣчи и писать дошло до грековъ въ позднее время: и Алкмеонъ, сынъ Перифа, Кротонецъ, первый сочинилъ книгу о природѣ (1); а по мнѣнію другихъ (2) первую книгу издалъ Александръ, сынъ Гегезибула, изъ Клазоменъ. Тер-

(1) Объ Алкмеонѣ, Кротонскомъ и его книгѣ упоминаетъ только Климентъ; болѣе объ немъ ничего не извѣстно.

(2) Именно — Діогена Лаэртія, современника Климента, епикурейскаго философа, который въ десяти книгахъ описывалъ жизнь, ученіе и мысли философовъ. Анаксагоръ клазоменскій, род. за 500 л. до Р. Хр., основалъ въ Афинахъ первую философскую школу, въ которой образовались Периклъ, Сократъ и Еврипидъ. Ум. за 469 л. до Р. Хр.

пандръ изъ Антиса (³) приложилъ къ поэмамъ мелодію и въ пѣвучихъ стихахъ написалъ законы лакедемонскіе, а диѳирамбъ (⁴) измыслилъ Лассъ изъ Ерміоны; гимнъ—Стезихоръ изъ Гимеры (⁵); хорей—Алкманъ лакедемонянинъ; эротическія пѣсни—Анакреонъ съ Теоса; пѣснь, приспособленную къ танцованью, ἑπὸρῶν, Пиндаръ Фивянинъ. Такъ называемые номы (⁶) первый пѣлъ хоромъ и на цитрѣ Тимоѳей изъ Милета. Ямбъ изобрѣтенъ Архилохомъ съ острова Пароса, а такъ называемый хромой Ямбъ—Гипнонаксомъ ефесскимъ, трагедія—Ѳесписомъ аѳиняниномъ, а комедія—Сусаріономъ изъ Икары, до временъ Пизистрата (⁷). Времена ихъ извѣстны грамматикамъ, а здѣсь описывать и точно обозначать ихъ—долгая работа, между тѣмъ какъ и самъ Діонисъ (Вахъ), по имени котораго названы зрѣ-

РАВ (³) Антисъ—городъ острова Лесбоса (древ. Митилена). Терпандръ, лирический поэтъ, род. около 648 года предъ Р. Хр.

(⁴) Диѳирамбъ—гимнъ, пѣтый греками въ честь Діониса: языкъ диѳирамба смѣлый и вольный. Лассъ жилъ около 545 года предъ Р. Хр. Объ немъ пишетъ Сuida, писатель XI в. по Р. Х., ссылась на древнихъ: πρῶτος δὲ ἄτος περὶ μουσικῆς ἔγραψε λόγον καὶ διδύραμβον εἰς ἄγῶρα εἰσῆγαγε, καὶ τὰς ἑρισικὰς εἰσηγήσατο λόγους.

(⁵) Гимера—въ Сициліи; *Стезихоръ*, лирич. поэтъ, жилъ за шесть вѣковъ предъ Р. Хр. *Алкманъ*, лирич. поэтъ, писавшій на дорическомъ нарѣчій, родомъ изъ Сардь, но любимый поэтъ спартацевъ; род. около 870 года предъ Р. Хр. *Анакреонъ*, изъ города Теоса въ Іоніи, процвѣталъ около конца 5-го ст. до Р. Хр. *Пиндаръ* род. около 522 г. до Р. Хр., ум. въ 422.

(⁶) νόμους—пѣсенники, арип; лат. modi.

(⁷) Пизистратъ, племянникъ Солона, съ 560 года тиранъ аѳинскій; ум. за 527 лѣтъ до Р. Хр. Ѳесписъ, греч. трагическій поэтъ, жилъ за шесть вѣковъ до Р. Хр.

лица ⁽⁸⁾, въ честь его отправляемыя, былъ гораздо позже Моисея.

Говорятъ еще, что школьныя рѣчи и ораторскія особенности слова изобрѣлъ Антифонъ ⁽⁹⁾, сынъ Фила, изъ Рамнузія, по словамъ Діодора; этотъ же Антифонъ былъ первымъ наемнымъ адвокатомъ и первый написалъ защитительную рѣчь для врученія подсудимому ⁽¹⁰⁾. Аполлоторъ кумейскій первый ввелъ имя критика ⁽¹¹⁾ и прозванъ былъ грамматикомъ; а нѣкоторые говорятъ, что это былъ Ератосѣенъ киринеецъ, прозванный грамматикомъ потому, что издалъ двѣ книги съ заглавіемъ *Γραμματικὰ*. Но грамматикомъ въ нынѣшнемъ значеніи этого слова первый названъ Праксифанъ митиленецъ, сынъ Діонисофана. И первый, говорятъ, написалъ законы Залевкъ локріецъ ⁽¹²⁾, а другіе приписываютъ эту честь Миносу, сыну Зевса, современнику Линкея, царя аѣинскаго, владѣвшаго послѣ Даная, въ одиннадцатомъ родѣ отъ Инаха и Моисея. Ликургъ, жившій спустя много лѣтъ по взятіи Трои, далъ лаке-

⁽⁸⁾ Такъ наз. *Διονύσια ἢ θεῖα*, т. е. зрѣлище въ честь Діониса.

⁽⁹⁾ Антифонъ, ораторъ аѣинскій, учитель Фукидида; ум. за 410 лѣтъ до Р. Хр.

⁽¹⁰⁾ Древніе адвокаты не сами говорили въ защиту своихъ кліентовъ, а вручали имъ написанныя рѣчи, для произнесенія въ судѣ. Такова была, напр., рѣчь, написанная Лисіемъ въ защиту Сократа.

⁽¹¹⁾ Т. е. *κρίτικος*, отъ *κρίνειν*—судить; въ старину грамматиковъ греки называли критиками, пот. что они произносили сужденіе о писателяхъ.

⁽¹²⁾ Страбонъ говоритъ о локрянахъ: *πρώτοι δὲ νόμοις ἐγγράπτους πεπλεγμένους ἐπέει*. Залевкъ, законодатель локрійскій, ученикъ Пизагора, жилъ около 550 года предъ Р. Хр.

демоньянамъ законы за сто пятьдесятъ лѣтъ прежде Олимпіадъ ⁽¹³⁾, а время Солона мы обозначили прежде. Драконъ, другой законодатель, жилъ около тридцать девятой олимпіады. Антилохъ, который написалъ обо всѣхъ учоныхъ мужахъ со времени Пифагора до смерти Епикура, которая случилась въ десятый день мѣсяца Гамиліона ⁽¹⁴⁾, обнимаетъ всего триста двѣнадцать лѣтъ. Кромѣ всего вышесказаннаго, говорятъ еще, что Фанотея, жена Икарія ⁽¹⁵⁾, изобрѣла героическій экзаметръ, а другіе приписываютъ это Θεμιδῆ, одной изъ дочерей Титана ⁽¹⁶⁾. Дидимъ, въ книгѣ «о пифагорейской философіи», передаетъ, что Θεανα (Θεανῶ) изъ Кротоны была первою жевщиною, которая занималась философіею и писала поэмы ⁽¹⁷⁾.

И вотъ ⁽¹⁸⁾ греческая философія, по мнѣнію однихъ, случайно и гадательно постигаетъ иногда

⁽¹³⁾ Т. е. за 927 лѣтъ до Р. Хр.

⁽¹⁴⁾ Аѳинскій мѣсяць гамиліонъ соотвѣтствуютъ нашему октябрю.

⁽¹⁵⁾ Икарій, царь острова Итаки, отецъ Пенелопы, жены Одиссея.

⁽¹⁶⁾ Титанъ, баснословный сынъ Неба и Земли, гигантъ чудовищнаго роста.

⁽¹⁷⁾ Θεαна была ученицею Пифагора.

⁽¹⁸⁾ Таковъ смыслъ этого мѣста: Различно думаютъ о философіи. Одни приписываютъ ей случайное происхожденіе и говорятъ, что она слабо и кое-какъ постигаетъ истину, притомъ не всякую; другіе считаютъ ее изобрѣтеніемъ діавола, а иные приписываютъ появленіе ея ангеламъ. Не рѣшая здѣсь вопроса о происхожденіи философіи, нужно сказать, что откуда бы она ни произошла, все-таки, хоть не объемлетъ всего величія истины и мудрости и немощна къ исполненію заповѣдей Божіихъ, она улаживаетъ путь и приготовляетъ къ нравственному ученію, т. е. Христову. Потому что въ философіи много служитъ къ образованію и исправленію нравовъ, къ истребленію поро-

истину, но не всю; а по мнѣнію другихъ, она получила начало отъ діавола и имъ развита. Нѣкоторые же думаютъ, что какія-то силы, спадшія съ небесъ, внушили всю философію. Но если греческая философія и не объемлетъ всего величія истины и доселѣ неможна къ выполненію божественныхъ заповѣдей, все-таки она предготовляетъ путь царственнѣйшему ученію, во всякомъ случаѣ сдерживая (человѣка) и образуя его нравы, и всякаго, признающаго Промыслъ, утверждая и побуждая къ принятію истины.

(Продолж. будетъ).

ПОУЧЕНІЕ

къ сельскимъ прихожанамъ на утрени перваго дня Пасхи.

Христось воскресе!

Слава Тебѣ, Господи! Наконецъ мы и праздника дождались, — и еще какого праздника!? Праздника, который всѣмъ праздникамъ — праздникъ!

Благодаримъ Тебя, Господи, что Ты и еще разъ, въ жизни нашей, сподобляешь насъ встрѣтить и порадоваться на Твой всесвѣтлый, великій праздникъ!

И радостенъ же, братіе мои, для насъ нынѣшній праздникъ! Нѣтъ въ году ни одного такого дня, котораго съ такимъ нетерпѣніемъ мы всегда ожи-

ковъ. путешествовать къ принятію истины, конечно не всякаго, но крайней мѣрѣ тѣхъ, кои признаютъ Промыслъ и Бога. И платоническіе философы, признающіе промыслительность Бога о мѣрѣ, способиѣ къ постиженію истины, чѣмъ эпикурейскіе, которые не хотятъ знать Промысла, все приписывая случаю.

дали бы и къ которому съ такую заботливостію приготовлялись бы; нѣтъ въ году дня, который бы столько веселилъ и радовалъ нашъ духъ, какъ этотъ великій день Господень. Какъ только приближается этотъ день,—одно на умѣ: ждешь недождешься: и какъ только, на этотъ день услышишь первый благовѣсть къ заутрени,—сердце невольно такъ и забьется отъ радости; приходишь въ церковь Божию, — сердце такъ и рвется изъ груди, отъ радости; когда жь, на утрени, пойдуть вокругъ церкви и запоютъ: *«Воскресеніе Твое Христе Спасе, ангели поютъ на небеси»*;—себя не помнишь отъ восторга; и какъ сильно, какъ трогательно, въ эти минуты, дѣйствуетъ на насъ эта св. пѣснь! Невольно, при этомъ, обращаешь взоры свои на небо, на звѣздочки Божіи и, какъ будто, въ каждой изъ нихъ такъ и видишь ангеловъ, воспѣвающихъ, вмѣстѣ съ нами, воскресеніе Христова и, отъ радости, плакать хочется. А какъ запоютъ, въ первый разъ, *Христосъ воскресъ..*, о Боже! какую радостію, какимъ восторгомъ переполняется тогда духъ нашъ? отъ радости,—слезы такъ и просятся изъ глазъ! И развѣ у кого, вмѣсто сердца, камень,—тотъ только,—я думаю,—въ это время, не радуется. Входимъ, послѣ того, въ церковь Божию, — съ какою радостію, съ какимъ веселіемъ и торжествомъ мы входимъ тогда въ нее,—идемъ, какъ бы, съ какой-нибудь, славной побѣды, гдѣ, окончательно, побѣдили какого-нибудь, страшнаго, сильнаго врага своего. А какъ свѣтло, какъ торжественно и привѣтливо, тогда встрѣчаетъ насъ матушка наша, св. Церковь! Все въ ней хорошо, все ново и свѣтло; вездѣ огни, вездѣ благо-

уханіе; куда не заглянешъ,—вездѣ пріятно, вездѣ весело,—на все радуешься. Что ни запоютъ, что ни дѣлаютъ, въ этотъ день, при богослуженіи, — все заставляетъ радоваться и мы, отъ полноты восторженной души, радуемся. Даже, если у кого есть какое горе и то, если не совсѣмъ, въ этотъ день забывается, то, по крайней мѣрѣ, много облегчается.

Отъ чего жъ такъ весело и такъ радостно намъ въ этотъ день? Отъ того, други мои, что въ этотъ день Спаситель нашъ, І. Христосъ, смертію и воскресеніемъ своимъ, побѣдилъ величайшаго, заклатаго, врага нашего, діавола,—что день этотъ есть тотъ самый день, въ который мы вышли изъ той тяжкой неволи, въ которой томились нѣсколько тысячъ лѣтъ,—что въ этотъ именно день мы, изъ отверженныхъ и проклятыхъ Богомъ, чрезъ Спасителя своего, содѣлались возлюбленными сынами Божиими и наслѣдниками царства небеснаго!

Христіане! Если мы такъ радуемся и веселимся даже и тогда, когда—только мы, лишь, узнали, что намъ можно получить царство небесное; то какою же радостію мы возрадуемся тогда, когда уже, на самомъ дѣлѣ, мы удостоимся получить его!? Тогда будетъ у насъ такая радость, какой теперь, въ этой жизни, мы, нетолько не имѣли, да и имѣть и нетолько имѣть, даже вообразить себѣ не можемъ. Нынѣшняя наша радость, въ сравненіи съ тою радостію, есть только *слабый* намекъ на ту радость, какая ожидаетъ насъ въ царствіи Божіемъ; тогда уже не день, не годъ мы будемъ радоваться и веселиться: нашимъ радостямъ небудетъ конца, во

вѣки вѣковъ. О, дай, Господи, намъ всемъ сподобиться того!

Свѣц. Стефанъ Лебедевъ.

С Л О В О

въ день святыя Пасхи *).

Сей день, егоже сотвори Господь, возридуемся и возвеселимся въ оны.

Всѣмъ время, и время всякой вещи подъ небесемъ.
Было время скорби и плача; нынѣ настало время радости и веселія. Во дни великаго поста, среди подвиговъ покаянія, при воспоминаніи страданій и смерти Христа Спасителя, св. Церковь плакала и рыдала и намъ внушала скорбѣть и сѣтовать о грѣхахъ своихъ, а нынѣ, въ свѣтлый день воскресенія Христова, Она, чадолюбивая Матерь наша, и сама торжественно ликуетъ и насъ всѣхъ приглашаетъ къ радости и веселію: *сей день, воиетъ Она, сей день, егоже сотвори Господь, возридуемся и возвеселимся въ оны!* —

Бр. Хр.! Если въ прошедшую четыредесятицу душеспасительнаго поста и молитвенныхъ подвиговъ мы не охотно скорбѣли о грѣхахъ своихъ, не оплакали надлежащимъ образомъ страданій и смерти Христа Спасителя, то отзовемся, по крайней мѣрѣ, нынѣ полною готовностію на приглашеніе Церкви, возрадуемся и возвеселимся въ настоящій торжественный день свѣтлаго воскресенія Христова, — возрадуемся радостію святою, истинно-христіанскою, воз-

*) Произнесена въ Митрофановомъ монастырѣ.

веселимся веселіемъ духовнымъ и всепразднственнымъ. *Нынѣ вся исполнишася свѣта, радости и веселія, небо, земля и преисподняя: не останемся же и мы безучастными въ торжество воскресенія Христова. Сей день, егже сотвори Господь, возрадуемся и возвеселимся въ оны!*

Но чтобы настоящее радование наше было сознательно, богоугодно и спасительно для насъ, внимемъ, бр. хр., въ сущность нынѣшняго праздника, выразумѣемъ, хоть кратко, тѣ блага, какія дарованы нынѣ роду человѣческому воскресеніемъ Христа Спасителя.

Жалко, — чрезвычайно жалко и прискорбно было положеніе человѣчества до Христа Спасителя, — до преславнаго воскресенія Его изъ мертвыхъ. Во весь этотъ длинный рядъ вѣковъ злосчастный родъ человѣческій находился въ тяжкомъ рабствѣ, въ мучительномъ и томительномъ плѣну у врага Божія и нашего, — у злобнаго діавола. Съ первой минуты грѣхопаденія Адамова образовавъ и утвердивъ въ мірѣ свое темное царство, лукавый, время отъ времени, болѣе и болѣе расширялъ и усиливалъ предѣлы его, крѣпче овладѣвалъ человѣчествомъ, очевидно упрочивалъ свою власть надъ нимъ. Омрачивъ умы человѣческіе, возбудивъ страсти людскія, онъ тѣмъ самымъ какъ бы воздвигъ средостѣніе между небомъ и землею, между Богомъ и человѣкомъ. И вотъ, смотрите, человѣкъ, это прекраснѣйшее разумное созданіе Божіе, украшенное образомъ и подобіемъ Господнимъ, подъ властію діавола теряетъ все свои богоподобныя совершенства, становится слѣпымъ орудіемъ его прихотей и пожеланій, при-

лагаются скотомъ несмысленнымъ и во всемъ уподобляется имъ. Удаленные отъ Бога, отчужденные отъ жизни Господней, люди *измѣнили въ мѣрѣ славы нетлѣннаго Бога въ подобіе образа тлѣнна чловѣка и птицъ и четвероногъ и гадъ*, приносили жертвы и поклонялись самодѣльнымъ истуканамъ; усердно съ слѣпымъ благоговѣніемъ боготворили вещи бездушныя, *древу* наприим. *говорили: отецъ мой еси ты и каменіи: ты мя родилъ еси* (Іер. 2, 27, Иса: 44, 17), устроили идоламъ алтари и воскуряли предъ ними ѳиміамъ; въ ослѣпленіи ума, въ окаменѣніи сердца, *по обычаю своему кроили себя ножами и били себя бичами даже до пролитія крове* (3 цар. 18, 28); матери забывали всю нѣжность, всю любовь свою къ дѣтямъ, отрывали ихъ отъ груди своихъ и, не внимая ихъ воплямъ и стenanіямъ, закалали и приносили ихъ въ жертву сатанѣ (Псал. 105, 37. 38). Безуміе, ослѣпленіе чловѣческое простерлось даже до того, что люди всецѣло предались на сторону діавола, лучшіе изъ нихъ устремились разгнѣвати Бога (Іезек. 8. 17), обратили къ Нему хребетъ свой, а не лице (Іер. 32, 33) и открыто говорили Господу: *отступи отъ насъ: путей Твоихъ видѣти не хотимъ* (Іов. 21, 14)!

Потерявъ въ чувствахъ все священное и духовное, люди, живя въ мѣрѣ безъ вѣры въ Бога, безъ благоговѣйнаго страха Господня, необузданно предавались всякому нечестію, къ стыду и крайнему униженію чловѣчества, доброе называли худымъ, худое — добрымъ и открыто хвалились пороками; дошли до того, что *не уснутъ, аще не согрѣшатъ*; какъ ключъ источаетъ воду, такъ люди, по слову Пророка, источали отъ себя всякое зло и беззаконіе (Іер.

6, 7), возмномъ только и думали, все только плотское и грѣховное творили; съ гульми и тѣнницами, съ тѣнницами и свирѣльми, вино пили и веселились, надла же Господня не взирали и дла руку Его не помышляли (Иса: 5, 12). Въ то жалкое и несчастное

время человѣчество представляло собою изсохшую вѣтвь, поле полное сухихъ, безжизненныхъ костей, свитокъ книжный, въ немъ же писаномъ человѣческимъ вписано баше рыданіе, жалость и горе. —

Не менѣе мрачную, не менѣе безотрадную картину человѣчество того времени представляло и во внѣшнемъ, политическомъ существованіи своемъ. Безнравственность, совершенное отсутствіе всякихъ добрыхъ началъ, разгулъ дикихъ страстей и грубаго произвола видимо отражались во всѣхъ дѣйствіяхъ и явленіяхъ житейскихъ. Заботясь только объ устроеніи своего земнаго благополучія, о довольствѣ временномъ и выгодахъ чувственныхъ, люди нагло обижали, безнаказанно притѣняли другъ друга; обманъ и козни, ненависть и вражда были явленія въ жизни повсюдныя и всеобщія; отсюда нестроенія и войны, разграбленія и опустошенія, страхъ за свое существованіе и трепеть за собственную независимость мучили и сокрушали всѣхъ и каждаго.

Страдая такимъ образомъ въ настоящемъ, человѣчество не предвидѣло утѣшенія и въ будущемъ; скорби и мученія житейскія не премѣнялись для него въ радость и по смерти. Взоръ большей части человѣчества не простирался въ то время далѣе земли и настоящей жизни, выше предѣловъ времени и чувственныхъ радостей. Вдали отъ Бога и Его святаго закона, при невнимательности къ существован-

ному устройству природы человѣческой, люди того времени, по крайней мѣрѣ, большинство ихъ, ничего не знали вѣрно о жизни загробной, и все существованіе свое ограничивали міромъ настоящимъ: *поземъ будемъ*, говорили многіе (въ чаяніи) собственнаго всецѣлаго уничтоженія, — *поземъ будемъ, якоже не бывше... пепелъ будетъ тѣло наше, и духъ нашъ разлетѣся яко мягкій воздухъ* (Премудр. Сол. 2, 3).

Удивительно ли послѣ сего, что многіе, видя такія дѣйствія и такую силу діавола въ родѣ человѣческомъ, совершенно отчаялись въ милости Божіей, ослабѣли въ своей вѣрѣ, малодушествовали и недоумѣвали, грѣшили и открыто говорили: *не видѣтъ Господь, оставилъ Господь землю* (Иезек. 8, 12)? Удивительно ли, что нѣкоторые, въ скорби сердца, въ смятеніи духа, проклинали даже свое рожденіе, — ту ночь, когда родила ихъ мать, и во всеуслышаніе вопіяли: *почто не убили мене въ ложе снахъ матери? Вскую изыдохъ изъ утробы ея, да вижу на землѣ только — труды и болѣзни* (Иерем. 20, 17, 28)? Удивительно ли, что при такомъ ужасномъ властвіи и неистовствѣ демоновъ среди человѣческаго міра, руки у всѣхъ ослабѣли, сердце у каждаго человѣка изныло (Исаи. 13, 7)?

Но вотъ милосердый Господь Богъ сжалился надъ злосчастливымъ родомъ человѣческимъ и для спасенія его отъ власти діавола послалъ въ міръ единороднаго Сына Своего Іисуса Христа. И смотрите, бр., сколько неизреченныхъ радостей и небеснаго утѣшенія, сколько истиннаго счастья и блаженства приобрѣло человѣчество съ явленіемъ на землю Христа Спасителя? Среди мрака тяжкихъ

заблужденій, во тмѣ нечестія и зловѣрія, видимо для всѣхъ просіялъ на землѣ радостный свѣтъ истиннаго Боговѣдѣнія и животворнаго благочестія: въ чувствѣ искренняго покаянія и глубокаго сердечнаго сокрушенія многіе въ душевную сладость слушали ученіе Христа Спасителя, радостно взирали на чудеса Его, умилялись сердцемъ, оживали духомъ и воспалялись любовію ко всему духовному и небесному. Но когда, послѣ Своей мучительной крестной смерти, Христосъ Спаситель чудесно воскресъ изъ мертвыхъ, когда чрезъ Свое воскресеніе, по духу святыни, во всей силѣ открылся Онъ Сыномъ Божіимъ, явился побѣдителемъ ада и смерти, — все духовно-мертвое человѣчество возстало и пробудилось, воскресло и обновилось, ощутило въ себѣ новую жизнь и съ любовію устремилось къ высокимъ подвигамъ духовнаго совершенства: *всѣ мертвые ожили и стаи на ногахъ!*

Нужно ли предъ христіанами доказывать, что все, что только великаго и радостнаго, лучшаго и совершеннѣйшаго произвелъ христіанскій міръ, все это несомнѣнно есть плодъ и дѣйствіе того свѣтоноснаго духа, той животворной жизни, которые благодатно возсіяли міру изъ гроба Христова? Нужно ли уяснять вамъ, бр. хр., что этотъ живоносный духъ воскресшаго Христа Спасителя, эта благодатная жизнь Его и нынѣ, подобно солнцу во вселенной, питаютъ и услаждаютъ человѣчество, возбуждаютъ и укрѣпляютъ его на все истинно-доброе и высокое, производятъ и поддерживаютъ среди міра лучшую жизнь и благороднѣйшія, истинно-христіанскія стремленія, какія только радуютъ и восхища-

ютъ наше сердце? *Плоть не пользуется ничто же;* она никогда не производила и не можетъ произвести въ челоѳчествѣ ничего добраго и высокаго; она губить и убиваетъ въ немъ все достойное разумныхъ существъ. *Духъ животворитъ;* онъ только производитъ на землѣ, между людьми, все истинно-благородное, все высокое и святое.

О, поистинѣ, воскресеніе Христа Спасителя есть источникъ и основаніе нашего счастья и блаженства! Воскресъ Христосъ, — и печать отверженія, лежавшая на челѣ грѣшныхъ чадъ преступнаго Адама, изгладилась; воскресъ Христосъ, — и земля, проклятая въ дѣлѣхъ рукъ челоѳческихъ, содѣлалась пріятелищемъ и вмѣстилищемъ особенныхъ благословеній Божіихъ; воскресъ Христосъ, — и вся колѣна небесныхъ, земныхъ и преисподнихъ благоговѣнно поклоняются и служатъ Ему; воскресъ Христосъ, — и вѣра въ Бога и въ будущую загробную жизнь оживила и укрѣпила сердца земнородныхъ; воскресъ Христосъ, — и вся вселенная преисполнилась неизреченнаго духовнаго свѣта и благодатной жизни, радости и веселія; воскресъ Христосъ, — и мы нынѣ живою вѣрою въ Бога, сердечною любовью къ Нему можемъ побѣждать лукаваго и торжествовать надъ всеѣми кознями его. О, что можетъ быть выше сего для бѣднаго рода челоѳческаго? Что можетъ быть отраднѣе сего счастья и блаженства для насъ грѣшныхъ? А потому, *сей день, сего же сотвори Господь, возрадуемся и возвеселимся оъ оны!*

Но радуясь и торжествуя воскресенію Христа Спасителя, не забудемъ: бр. хрс., что Онъ, премило-

сердый Спаситель нашъ, страдалъ, умеръ и воскресъ именно для того, чтобы *избавить насъ отъ всякаго беззаконія и очистить Себя люди избранны, ревнители добрымъ дѣломъ* (Тит. 2, 14); что Онъ, всемогущій, Своею смертію разрушилъ дѣла діавола, связалъ крѣпкаго, совлекъ начала и власти, изведе ихъ въ позоръ дерзновеніемъ собственно для того, чтобы мы жили въ мірѣ семъ тихо и безмолвно, во всякомъ благочестіи и чистотѣ и потомъ сподобились блаженства вѣчнаго въ царствіи небесномъ. А потому для собственнаго нашего счастья временнаго и блаженства вѣчнаго, будемъ, бр., всячески подвизаться въ жизни противъ грѣха и беззаконій, будемъ внимательны къ себѣ и ко всему, насъ окружающему; пользуясь благами міра сего, какъ даромъ щедротъ Божіихъ, не будемъ душею и сердцемъ привязываться къ нимъ; во всѣхъ дѣйствіяхъ своихъ будемъ всегда имѣть въ виду Господа Бога и святой законъ Его, небо и жизнь будущую. Сами знаете, бр., что здѣсь, на землѣ, живемъ мы много-много 70, аще же въ силахъ — 80 лѣтъ, а тамъ, за гробомъ, будемъ жить безконечные вѣки; умремъ,—и все земное, всѣ наши блага останутся здѣсь: на тотъ свѣтъ ничего съ собою не возмемъ; наги родились, наги и отойдемъ; туда пойдутъ съ нами одни только дѣла наши и за нихъ получимъ мы тамъ похвалу или осужденіе, блаженство или мученіе. Такъ, воскресши со Христомъ, будемъ, бр., вышнихъ искать, а недольнихъ, будемъ горня мудрствовать, а не земная.

Самъ воскресшій Христосъ Богъ, молитвами Заступника и Покровителя нашего, св. Митрофа-

на, — Самъ да вразумить и да наставитьъ всеѣхъ насъ на путь спасенія!

Христіанская Любовь и современность.

Возлюбленные! будемъ любить другъ друга, потому что любовь отъ Бога. (1 Іоан. IV. 7.)

Было время когда Обновитель человѣчества преподавая *дѣтямъ* своимъ заповѣдь любви, назвалъ эту заповѣдь *новою* (Іоан. XIII. 33). Новою названа она была непотому, чтобы дѣйствительно чувство это было ново, незнакомо, неслыханно для человѣка, но потому, что какъ совершенство и существенныя черты его, такъ и основаніе его въ христіанствѣ насамомъ дѣлѣ были новы для человѣчества, были дѣломъ и ученіемъ *не отъ человекъ*. Прошло съ тѣхъ поръ 18 вѣковъ, — и новыя истины имѣли время стать не новыми. Но не такова ли и для нашего времени та истинна, которая была новою такъ давно? Что еслибы Христосъ снова явился здѣсь и всевѣденіемъ проицая существо наше и сокровенное, обратился къ намъ съ тѣмъ же словомъ о любви, не сказалъ ли бы Онъ и нынѣ, какъ тогда: *заповѣдь новую даю вамъ: любите другъ друга*. Наше время скудно любовію. Этотъ во все времена самый жизненный первъ человѣческаго существованія нынѣ менѣе чѣмъ когда-либо можетъ быть названъ началомъ жизни, опредѣляющимъ основной характеръ дѣятельности въ духѣ времени. Нашъ вѣкъ желѣзный вѣкъ. Его передовое слово-практическа

выгода, его начало дѣятельности — эгоистическое; онъ дышетъ парами, помѣшанъ на спекуляціяхъ, живетъ барышами и забылъ слово живое — *не о хлѣбѣ единомъ человекъ живъ будетъ*; онъ насмѣшливо смотритъ на всякое проявленіе чувства, считая его болѣзненнымъ явленіемъ не нормальнаго, не здороваго организма, дряблой природы. Да, наше время сиреведливо упрекаютъ въ оскудѣніи чувства любви. Но не съ этой только стороны заповѣдь о любви нова для насъ. Мы сказали что для современнаго Христу человечества новость ея заключалась въ чертахъ и духѣ любви, какую проповѣдывалъ Христосъ. Такъ и въ наше время. Та скудная любовь, какую нынѣ можно найти, эта самозданная любовь сыновъ вѣка, съ своими чертами, характеромъ и основаніями далеко не та, о какой говорилъ небесный Учитель, и потому древле новая заповѣдь и нынѣ нова; Различіе между тѣмъ и другимъ временемъ развѣ въ томъ, что послѣднее имѣетъ менѣе правъ на извиненіе: если 18 вѣковъ повторяемое слово не вошло въ уши человѣка, не коснулось сердца его, то это свидѣтельствуешь о крайнемъ отупѣніи слуха и огрубѣніи чувствъ человѣка, который не то, чтобы не могъ, во имѣя полную возможность и средства, не хочетъ, или не желаетъ слышать и знать истину жизни и спасенія, а ставитъ на мѣсто ея самозданный идеаль совершенства и по немъ созидаетъ свое жалкое существованіе.

«Когда умножается тьма виѣшняя, усиливаютъ свѣтъ внутри; когда распространяется зараза, потребны очистительныя средства и предохранительная осторожность полезна и для здоровыхъ» (Филаретъ), —

вотъ почему нынѣ болѣе, чѣмъ когда либо благополучно обратиться намъ къ чистому и не зараженному источнику Любви. Св. Слово съ небесъ на землю открыло намъ путь устроить царство Божіе на землѣ. Союзъ этого царства—любовь; основаніе созиданіе—любовь; совершеніе—тоже любовь. Она начало и конецъ, альфа и омега бытія нашего. Все осуждены, всѣ повинны, всѣ погибали и всѣ спасены Любовію. Любовь оправдала, искупила и освободила насъ. Послушаемъ и поучимся любви сей ученика ея избраннаго, который возлежалъ на персяхъ Самой Любви.

Просто и не многосложно слово Его: *возлюбленные! будемъ любить другъ друга, потому что любовь отъ Бога.* Эти слова были дѣломъ жизни великаго пророка и повѣдника Любви. Сохранилось преданіе, что когда Іоаннъ въ старости по немощи былъ носимъ учениками, онъ, сильный духомъ, обновляясь юности орлею, непереставалъ повторять: «дѣти! любите другъ друга». И перешелъ въ лучшую жизнь съ этимъ завѣщаніемъ на устахъ. Сѣнь смертная не закрыла отъ насъ любви его: подобно звѣздѣ, лиющей свѣтъ свой изъ отдаленной области неба, сквозь мрачную загробной жизни сіяетъ эта любовь, *горя и свѣта* озаря темные пути бѣднаго человѣка на землѣ.

Вникнемъ въ смыслъ великой истины любви столь древней и вмѣстѣ столь новой, полузабытой нынѣ и презрѣнной—разсмотримъ ея *новое*, да и вѣрующіе-они всѣ столь великіе охотники до новаго, какъ аѳиняне время Павла,—увидятъ, что это новое всегда живо и дѣйствительно, выше человѣч-

нихъ идеаловъ и невыполнимыхъ мечтаній о совершенствѣ человѣческихъ обществъ.

Возлюбленные! говоритъ Апостолъ нынѣ, какъ тогда — будемъ любить другъ друга! Проповѣдникъ любви не учитъ только, но и творить, дѣломъ показывая любовь. Онъ называетъ приглашаемыхъ къ любви *возлюбленными*, — слѣдовательно уже любить, полюбилъ ихъ, они уже любезны его сердцу. Ученикъ здѣсь послѣдуетъ Учителю: ибо и Христосъ Господь, когда говорилъ о любви, то предварилъ заповѣдь словомъ: *дѣти*: какая близость и сколько любви уже въ одномъ этомъ словѣ Сына Божія! *Возлюбленные!* — дорогіе сердцу моему друзья, ближніе мои, — всѣ, всѣхъ приглашаетъ, всѣхъ и любитъ, — будемъ любить другъ друга: *любовь отъ Бога!* Въ немногомъ великое, въ простотѣ глубина, — тутъ вся полнота Христова ученія о любви, духъ, основаніе, сущность ея: *любовь отъ Бога*. А Богъ? Богъ есть любовь. Итакъ, познай Бога — узнаешь любовь.

Обыкновенно въ наше время такъ думаютъ, что любовь, какъ дѣятельность всеобщая и безразличная, вовсе не предполагаетъ обязательнымъ той или другой системы убѣжденій, или вѣрованій. Никому, говорятъ, до того дѣла нѣтъ, что тамъ думаетъ себѣ человѣкъ, или какъ онъ смотритъ на вещи; дѣло — есть истина жизни; важно то, каковъ онъ, какъ человѣкъ и что дѣлаетъ; если онъ полонъ добраго снисхожденія, любви, другъ человечества, то рѣшительно все равно, вѣрующій онъ или нѣтъ. Грустное заблужденіе, которое мнимою своею свободою многія и добрыя натуры сбиваетъ съ пути. Апостолъ очевидно смотрѣлъ на дѣло совершенно

иначе, ибо не ограничился словами: будемъ любить другъ друга, но прибавляетъ и опредѣленную причину, побуждающую къ сему, — потому что любовь отъ Бога, а далѣе показываетъ и плоды любви, называя любовь учениемъ и дѣломъ возрожденія и Боговѣденія. Любовь является средствомъ и отъ начала и цѣли своей черпаетъ силу, смыслъ свой и жизнь. Не одно это, не мало и другихъ побужденій къ любви есть въ человѣкѣ и внѣ его, — отъ чего же умалчивая о другихъ, апостоль указываетъ на одно? Конечно, не почему иному, какъ потому что въ одномъ основаніи — все, одно — достаточно, важнѣе другихъ, или составляетъ средоточіе и силу прочихъ. Не такъ думаютъ сыны вѣка сего. Нынѣшній вѣкъ больше мыслить и дѣйствуетъ во имя человѣка, человечества, человѣческаго достоинства, чѣмъ во имя Божіе. Въ духѣ времени нашего, въ его понятіяхъ о добрѣ, о нравственномъ достоинствѣ человѣка, въ его руководящихъ правилахъ воспитанія и жизни, высказывается мысль о нравственной самостоятельности естественнаго чувства помимо религіи. Въ самый просвѣщенный, по видимому, періодъ человѣческой мысли, въ христіанскомъ обществѣ, возобновляются древнія, до-христіанскія понятія, которые давно отжили свой вѣкъ, обнаружили свою слабость, а нынѣ получаютъ значеніе и цѣну началъ жизни, выдаются за послѣдній результатъ наукъ и полагаются въ основу преуспѣянія общественнаго сознанія! Вотъ гдѣ хроническая болѣзнь вѣка нашего, — это желаніе мнимой свободы отъ всего положительнаго, обязательнаго, это стремленіе естественнаго человѣка къ незави-

симости отъ возраждающаго и оправдывающаго ученія Христова. Думаютъ положить для жизни и дѣятельности иное начало, другую основу, вмѣсто лежащаго, положеннаго Христомъ, — вотъ гдѣ собственно расходится до противоположности любовь христіанская и любовь въ духѣ вѣка. Это все отголоски и слѣды древняго — *будете яко Вози*, та дьявольская мечта о независимости, которая погубила съ начала, губить и теперь человѣка.

Человѣкъ любитъ признавать законы природы своей и разума самостоятельными; онъ хочетъ вѣрить, что его природа можетъ внушить ему только добро; что она носитъ въ себѣ неизмѣняемые законы добра, идею благъ истинныхъ; опираясь на свободу, онъ ищетъ независимости, созидаетъ свой идеалъ совершенства. Но что такое эта «природа», отъ которой столь многаго ждутъ? Если бы Слово святое не возвѣщало намъ, что *растлѣся всяка плоть предъ Богомъ*, и что отъ юности помышленія человѣка направлены къ злему, то послушаемъ многорѣчиваго опыта. Человѣкъ, — это слѣпецъ, который ищетъ свѣта и добровольно сидитъ во тьмѣ; жаждетъ свободы и изнемогаетъ въ оковахъ страстей; носитъ въ груди своей скрижали закона естественнаго, и въ пылу страсти сокрушаетъ скрижали сіи предъ кумиромъ порока, изваяннымъ растлѣніемъ сердца; пенавидитъ зло и приноситъ кадило пороку; хвалится разумомъ и поставленный въ честь, неразумѣетъ и прилагается скотомъ несмысленнымъ. И это законодатель, это установитель нравственности, любви! — Нѣтъ и нѣтъ.

Бѣдный человѣкъ, потерявши источникъ воды

живой, копаешь кладязи мутные и — находишь гни-
 лую воду. Юнай сколько хочешь, бѣдная душа, не
 утолить тебѣ своей жажды, пока не познаешь исто-
 чника жизни, пока не услышишь и не пойдеши на
 зовъ возглашающаго: *кто жаждетъ, иди ко Мнѣ и
 пей* (Юан. 7. 37). Кто не видитъ зла въ душѣ сво-
 ей, тотъ обманывается. Это нынѣ грязный источ-
 никъ, на днѣ его тина грѣха, — злоба, гордость, гнѣвъ,
 високоуміе, вражда, нечистота, ложь, зависть, и все
 это износится въ область внѣшнихъ дѣйствій чело-
 вѣка. Казаться не значитъ быть, видимость не есть
 еще сущность; и любовь естественнаго человѣка, —
 вникните въ нее, разберите ея стихіи и основы, —
 не любовь, не добро, не счастье человѣка. Жизнь
 физическая не есть еще истинная жизнь. Способ-
 ности не суть совершенства. Говорятъ, человѣкъ
 носить въ себѣ неизмѣняемые законы добра, идею
 блага и истины, разумъ владѣетъ силою различенія
 и свободы, — согласимся на это. Но вѣдь ни законъ,
 ни идея добра не составляютъ въ немъ еще ни по-
 ложительной истины, ни опредѣленнаго знанія; они —
 стремленіе, потребность совершенства, тяготѣніе
 природы его, но еще не опредѣляютъ ни самаго со-
 вершенства, ни центра, къ которому стремятся.
 Слѣдовательно все дѣло въ томъ, какъ разумъ вы-
 полнитъ эту послѣднюю задачу, что поставитъ цѣ-
 лю своихъ стремленій. А не много нужно знаком-
 ства съ исторіею и человѣкомъ, чтобы имѣть пред-
 ставленіе о достоинствѣ идеаловъ разума. Онъ самъ
 всегда болѣе ученикъ опытовъ, чѣмъ самостоятель-
 ный законодатель, болѣе труженикъ и исполнитель,
 чѣмъ свободный дѣятель. Онъ не изобрѣтетъ ниче-

го лучше тѣхъ понятій, ничего выше круга тѣхъ идей, которыми описывается, изъ которыхъ слагается обыденная жизнь и дѣятельность человѣка, онъ не станетъ выше физическихъ побужденій для нравственности и жизни духовной. Послушаемъ, что говоритъ сей разумъ о любви. «Существенное и всеобщее основаніе дѣятельности человѣка — это эгоизмъ, самолюбіе. Человѣкъ способенъ дѣлать добро, или пожертвованія только на столько, на сколько и въ какой степени онъ ощущаетъ эгоистическое удовлетвореніе своему чувству, — удовольствіе. Дѣлать добро для добра — это вздоръ, любить человѣка для него самого — нелѣпость тѣмъ болѣе; самолюбивыя побужденія и личное удовольствіе лежатъ въ основѣ рѣшительно всѣхъ внутреннихъ движеній: чувства безкорыстія, самоотверженія, честности и другихъ обнаруженій любви; въ противномъ случаѣ, они болѣзненные порожденія недоразвитаго ума и суетвѣрнаго чувства». Что это добродѣтель, любовь? Это такъ называемая свобода личнаго чувства, начало ощущеній. Но очевидно эта свобода отрицаетъ долгъ, уничтожаетъ всякое обязательство. Бога ли, ближняго ли любить, — нравится, будемъ; нѣтъ, — и рѣчи нѣтъ. Во имя чего же она это дѣлаетъ? Если бы это утверждалъ язычникъ, то это было бы понятно, и если не оправдывалось, то объяснялось бы невѣденіемъ; но если приходится слышать это въ христіанскомъ обществѣ, то одно изъ двухъ, — или это безумецъ или язычникъ, добровольный отступникъ отъ Христа, ибо такія понятія несовмѣстимы съ Его ученіемъ. Если бы они не знали, скажемъ словами писанія, грѣха бы имъ не было; но они

знають и противятся, грѣхъ имъ и осужденіе. Но посмотримъ, чего добиваются эти любители свободы и что лучшее предлагають вмѣсто любви Христовой. Говорять, эгоистическое удовольствіе основа любви. Но сколь тѣсны границы любви сей, и какъ шатки ея основанія! Любить друга не диво, но трудно врага полюбить: къ этому не побудитъ эгоизмъ. Да и къ другу велика ли любовь эгоиста? Пойдетъ ли она на смерть, согласится ли она положить душу за друга? — къ этому не побудитъ эгоизмъ. А мы имѣемъ и носимъ сей образъ Любви, нещадающей души за другихъ, — и не за другихъ только — за всѣхъ, — и за этихъ несчастныхъ эгоистовъ, платящихъ за любовь отверженіемъ — страдавшей, — мы спасены сею Любовію.

Истинная любовь николи же отпадаетъ. А эта блѣдная, тщедушная, дряблая любовь эгоиста — она кончается съ мимолетно возникшею прихотью, — вмажь началась, вмажь и исчезаетъ. Она ничтожна предъ малѣйшимъ даже испытаніемъ, она не понесетъ креста друга посмѣяннаго, поруганнаго, озлобленнаго, — это не доставитъ удовольствія. Она съ омерзеніемъ отвернется отъ гнойныхъ ранъ нищаго, заражающихъ воздухъ, — это не доставитъ удовольствія. Она холодно пройдетъ мимо грязнаго рубища, открывающаго наготу и нечистоту, — это не доставитъ удовольствія. Стыдь и позоръ, нужда и бѣдность, горе и страданія, тамъ, гдѣ всего болѣе въ ней нужда, тамъ ея всего менѣе, — тамъ даже нѣтъ ея и не можетъ быть — все это не доставитъ удовольствія. Она тамъ, гдѣ хорошо, богато, пріятно; она тамъ гдѣ въ ней нужды нѣтъ, гдѣ и безъ нея

весело, — она гоняется за удовольствіемъ и — исчезаетъ съ нимъ.

Таковъ праведникъ свѣта, такова любовь его. Расторгните жъ тотъ блестящій покровъ, которымъ онъ прикрываетъ себя, и — вы увидите мерзость заустѣнія на мѣстѣ святѣ; снимите позлащенные одежды и украшения съ блестящаго кумира, — предъ вами брение, составляющее существо его. Но чѣмъ же сдерживается это безграничное преобладаніе самолюбія, страсти, чувственности? Какова, гдѣ и въ чемъ сила любви этой? Это трость, вѣтромъ колеблемая, блудящій огонь, который блещетъ, доколѣ питаетъ его сгораемое вещество, зданіе, основанное на пескѣ. Любовь эгоиста смѣется надъ самопожертвованіемъ, — а развѣ мыслима безъ самопожертвованія любовь? Вся твоя — моя, человекъ вѣка скажетъ, но скажетъ ли онъ и вся моя — твоя? А во имя чего бы онъ сказалъ такъ? Конечно нѣтъ, если онъ хочетъ быть вѣрнымъ себѣ. Къ счастью, не всегда такъ бываетъ, и человекъ разума и убѣжденій эгоиста нерѣдко на дѣлѣ бываетъ лучше и выше, чѣмъ въ теоретическихъ соображеніяхъ, — не осудимъ эту непослѣдовательность, хотя она безъ насъ сама себя осуждаетъ.

Міръ любитъ жить по своей волѣ. Для него одинъ законъ — прихоть. Онъ гордится тѣмъ, что у него все свое и ничего нѣтъ Божьяго, — и боится вѣры. Гордость его все хотѣла бы присвоить себѣ, вѣра все отнимаетъ у нея. Но что же имѣетъ онъ, чѣмъ можетъ гордиться? Его любовь — безъ совершенствъ нравственныхъ, безъ любви къ Богу, безъ надеждъ небесныхъ, — это нравственное ничто; его

щедность—нища самолюбію, скромность, искусство скрывать свою суетность и т. д. все ложь и видимость; а быть добродѣтельнымъ и казаться такимъ, это вовсе не одно и тоже.

О человекъ! что ты имѣешь, что бы не получилъ? а если получилъ, что хвалишься, будто не получалъ (1 Кор. IV. 4).

Кто же спасетъ человѣка, возстановитъ и просвѣтитъ? Кто дастъ ему живую любовь въ душу? Конечно разумъ? Но сей врачъ самъ требуетъ леченія, этотъ вождь, осязая самъ только ищетъ истины и часто уловляетъ мечты и призраки; этотъ свѣтильникъ самъ требуетъ елей, да не угаснетъ. Для любви же онъ еще менѣе полезенъ. Научныя стремленія, изученіе мудрости, собранной вѣковыми опытами—вотъ сфера его совершенствъ. И какъ нерѣдко то явленіе, что человѣкъ образованный не знаетъ даже, что полюбить въ мірѣ, къ чему привязаться душой! Пустота и безпредметность жизни вполнѣ понятная: ибо пустъ и безпредметенъ разумъ въ себѣ, пусты и суетны всѣ земныя вещи въ себѣ.

Да, нуженъ большой свѣтъ, нежели свѣтъ разума, сильнѣйшій законъ, чѣмъ человѣческой, вѣрнѣйшій вождь, чѣмъ совѣтъ сожженная, высочайшая мудрость, чѣмъ вся мудрость вѣка. Кто же дастъ это? *Вѣра, любовію споспѣшествуема.* Вѣра—боговѣденіе, боговѣденіе—любовь; любовь и вѣра: ибо любовь отъ Бога,—къ Богу же возможно одно отношеніе—вѣры, а вѣра раждаетъ любовь.

Говоря о любви, какъ дѣлѣ естества,—разума и воли, не забудемъ о ней, какъ о дѣлѣ благодати, въ общеніи Вѣры и Надежды. *Въ томъ любовь, что*

не мы полюбили Бога, но Онъ возлюбилъ насъ (Юан. 1 IX, 11), и любовью искупилъ. Вотъ единственный источникъ любви и образъ ея, *превосходящій разумъне*. Чѣмъ же пріемлемъ благодать любви? Вѣрою, которая споспѣшествуется любовью. А какую любовь? которая *отъ Бога*. Это та крѣпкая, какъ смерть любовь, которая все побѣждаетъ и ничѣмъ не побѣждается, которую ни жизнь, ни смерть, ни ангелы, ни начала, ни силы, ни настоящее, ни будущее, ни высота, ни глубина, ни другая какая тварь не сильны уничтожить. Это та любовь, которая не боится смерти и со креста пріемлетъ усыновленіе Богоматери, въ лицѣ Ученика любви. Такой любящій *рожденъ отъ Бога и знаетъ Бога*.

Вотъ истинная и совершенная любовь, вотъ и живой образъ ея предъ нами, и плоды ея, духъ и характеръ, основаніе и природа ея.

Какъ ни различны пути наши на землѣ, предѣль всѣмъ одинъ; какъ ни различны желанія наши, но все они сливаются, такъ сказать, въ одно желаніе, въ одну завѣтную мечту, — быть счастливымъ. Человѣкъ неумоимо ищетъ себѣ счастья съ утра жизни своей до вечера. Все текутъ, но не все достигаютъ. Слабъ и немощенъ сталъ человѣкъ, одною рукою онъ созидаетъ храмину счастья, другою разрушаетъ ее; одною пріемлетъ благословеніе жизни, а другою отвергаетъ; природа, сколь ни богата, не удовлетворитъ духа, ея сокровища и блага подавляютъ и не насыщаютъ, мучатъ, когда и услаждаютъ, и оканчиваются пустотою души. Не удовлетворитъ ли насъ жизнь? Но она полна горя и скорби. Нищета и страданіе, слезы и притѣвленіе

въ убогой хижинѣ; безконечныя неудовольствія, мучительныя желанія, разрушительныя страсти въ чертогахъ; въ обществѣ—рвеніе, зависть, вражда, неблагодарность, недоброжелательство; лучшіе друзья измѣняютъ, святѣйшіе союзы становятся оковами. Что же это? Всѣ желаютъ счастья и—всякій врагъ себѣ, ибо всѣ содѣваютъ вражду и зло! Гдѣ же причина сего, и чего недостаетъ человѣку?

Любви, брата, любви, — *не отъ чловѣкъ,* — той много, но отъ нея не было и не будетъ счастья чловѣку, — Божіей любви, которой Вѣра помогаетъ, Надежда споспѣшествуетъ.

Брось, чловѣкъ, гордую и невыполнимую мысль—самому себѣ создать свое счастье,—не создать тебѣ ни добродѣтели, ни любви на землѣ!

С. Мир—скій.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

— Въ Литовскихъ Епарх. Вѣдомостяхъ (№ 3 сего 1867 г.) сообщаютъ, что въ минувшемъ 1866 году по Литовской епархіи присоединилось къ св. Православной церкви нашей: изъ католиковъ—25,194 души, изъ лютеранъ—6, изъ іудейства—36, изъ магометанъ—2; всего по епархіи присоединилось къ православію лицъ обоого пола 25.241, изъ коихъ 13,484 душ. муж. и 11,724 жен. пола. Въ числѣ принявшихъ православіе—большинство крестьянъ; но есть довольно лицъ дворянскаго сословія, туземныхъ помѣщиковъ, изъ коихъ нѣсколько семействъ княжескихъ и графскихъ.

— Въ 6 № Воронеж. Епарх. Вѣд. сообщено было объ оставленіи Софроніемъ Константинопольской патріаршей кафедрой; теперь же въ газетахъ перепечатываются извѣстія изъ Константинополя объ избраніи новаго вселенскаго патріарха Григорія VI и о подробностяхъ официальной аудіенціи, данной ему 28 февраля султаномъ. Григорій, много лѣтъ тому назадъ (именно съ авг. 1835 по мартъ 1840), уже занималъ патріаршій престолъ и былъ смѣщенъ Портою въ угожденіе англ. правительству, а сіе раздражено было его сужденіемъ о брачныхъ дѣлахъ на юн. островахъ. Святѣйшій патріархъ принятъ былъ султа-

номъ Абдуль-Азисомъ чрезвычайно благосклонно. Патриархъ благодарилъ за честь, которой удостоилъ его султанъ возведеніемъ его слова на патриаршій престолъ, при чемъ принесъ увѣреніе, что, занимая свой высокой постъ, онъ постарается по прежнему представить Высокой Портѣ доказательства своей вѣрности и покорности. Отвѣчая на заявленія преданности патриарха, султанъ сказалъ, что онъ отъ души радуется возвращенію его святѣйшества на патриаршій престолъ и надѣется, что святѣйшій Григорій будетъ нещадно объ интересахъ православныхъ подданныхъ, ввѣренныхъ его попеченію, съ тѣмъ усердіемъ, которымъ онъ отличался въ царствованіе его славныхъ предшественниковъ, султановъ Махмуда и Абдуль-Меджида. За тѣмъ султанъ собственноручно возложилъ на патриарха орденъ Меджидіа 1-го класса.

— Въ Пензенской епархіи находятся библиотеки при 608 церквахъ. Значительнѣйшія состоятъ при церквахъ г. Пензы, изъ коихъ въ нѣкоторыхъ книгъ до 250, а въ Городищенскомъ уѣздѣ есть церкви, имѣющія до 300 книгъ.

— Определеніемъ Св. Синода разрѣшено открыть при казанскомъ первоклассномъ Богородицкомъ дѣвичьемъ монастырѣ руководѣльную школу для дѣвицъ разнаго званія.

— Въ Полтавской епархіи по 1-е генваря 1867 года открыто уже *шестьсотъ пятьдесятъ* приходскихъ попечительствъ при православныхъ церквахъ.

— По всеподданнѣйшему докладу г. оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода, въ 7-й день января сего года воспослѣдовало Высочайшее соизволеніе на учрежденіе въ г. Оренбургѣ мужскаго общежительнаго монастыря съ благотворительнымъ или воспитательнымъ приемъ заведеніемъ.

— Въ Иерусалимѣ во всю четырехдесятницу, по замѣчанію очевидца, Храмъ св. Іакова бываетъ полонъ молящихся православныхъ арабовъ. Православнымъ іерусалимитамъ нужно отдать полную похвалу за строгое ихъ воздержаніе въ продолженіи св. четырехдесятницы и усненскаго поста. Въ св. четырехдесятницу они строго держатся монастырскаго (саввинскаго) устава и питаются почти однимъ сухояденіемъ. О рыбѣ и помину нѣтъ, кромѣ опредѣленныхъ уставомъ дней; въ среду и пятницу не разрѣшаютъ даже на елей. Хлѣбъ, соевыя масла и овощи и рисъ составляютъ обычную постную ихъ трапезу. Благоговѣніе же къ Божіей матери такъ глубоко и искренне, что въ Успенскій постъ отказываютъ себѣ въ елей не только православныя христіанки, но и многія мусульманки; вмѣстѣ съ православными, ходятъ на гробъ Божіей Матери въ Геосиманію; во время богослуженія, ставятъ свѣчи и украшаютъ благовоными цвѣтами въ горшкахъ священную Ея гробницу. («Странникъ», мартъ 1867 г. смѣсь стр. 33-34).

ОБЪЯВЛЕНИЕ**ОТЪ СКОПИНСКАГО ГОРОДСКАГО ОБЩЕСТВЕННАГО****БАНКА.**

Банкъ принимаетъ изъ всѣхъ мѣстностей Россіи вклады, для обращенія изъ процентовъ, отъ присутственныхъ мѣстъ, должностныхъ и частныхъ лицъ, монастырей, церквей, городскихъ, сельскихъ и акціонерныхъ обществъ. Вклады принимаются отъ вкладчиковъ лично и чрезъ почту, на неопредѣленное время, т. е. до востребованія и на сроки отъ трехъ до двѣнадцати лѣтъ и на вѣчное время. Проценты выдаются на вклады безсрочные по ПЯТИ руб. на СТО въ годъ, а на вклады срочные по ШЕСТИ руб. на СТО въ годъ, на вклады внесенные на вѣчное время Банкъ платитъ проценты по ШЕСТИ СЪ ПОЛОВИНОЮ руб. на СТО въ годъ. Сверхъ того Банкъ принимаетъ вклады на текущій счетъ, съ выдачею процентовъ по ПЯТИ руб. на СТО въ годъ. Вклады возвращаются и проценты на нихъ выдаются вкладчикамъ наличнымъ—въ тотъ же день, а находящимся въ отлучкѣ—съ первою почтой. Для доставленія болѣе удобства при переводѣ капиталовъ изъ другихъ кредитныхъ установленій въ сей Банкъ на процентное обращеніе, Банкъ принимаетъ на себя обязанность истребовать, откуда слѣдуетъ, по билетамъ кредитныхъ учрежденій, слѣдующія деньги. На билетахъ, если они именныя, владѣльцы ихъ должны сдѣлать засвидѣствованную присутственнымъ мѣстомъ надпись о предоставленіи Банку права на истребованіе, откуда слѣдуетъ, по тѣмъ билетамъ слѣдующей суммы; безыменныя же билеты кредитныхъ установленій представляются въ Банкъ безъ всякихъ на нихъ надписей. На вклады, вносимые въ Банкъ, билеты выдаются вкладчикамъ согласно ихъ желанія, именныя или безыменныя, но съ тѣмъ, чтобы каждый вкладъ на именной билетъ былъ не менѣе пятидесяти рублей. Вкладчикамъ предоставляется вносить въ Банкъ вклады съ условіями, наприм. о предоставленіи вкладовъ въ пользу родственниковъ, или о выдачѣ ихъ, или съ нихъ процентовъ на предметы благотворительности и проч. *)

Примѣчаніе. Вклады вносятся въ Банкъ при объявленіяхъ, писанныхъ по слѣдующей формѣ: Въ Скопинскій Городской Общественный Банкъ. Отъ такою то объявленіе. Представляя при семъ въ Скопинскій Банкъ столько-то рублей для приращенія процентами на такой то срокъ (на три на четыре, на пять и т. до двѣнадцати лѣтъ, или до востребованія) прошу Банкъ выслать на мое имя, или на имя неизвестнаго билетъ въ такое то мѣсто число, мѣсяць годъ и подпись. Если вкладъ вносится съ какими либо условіями, наприм. о предоставленіи вкладъ или съ него процентовъ въ пользу родственниковъ, или на предметы благотворительности и проч. то таковыя условія должны быть объявлены въ объявленіи: если вкладъ вносится на вѣчное время, то вкладчикъ долженъ въ объявленіи сдѣлать положительное указаніе Банку, относительно платежа на вѣчный вкладъ процен-

Всѣ вѣренныя Банку вклады, сообразно **ВЫСОЧАЙШЕ** утвержденному Банковому положенію, обезпечиваются не только основнымъ Банковымъ капиталомъ, но и всѣмъ состояніемъ Скопинскаго градскаго общества, простирающагося на **НѢСКОЛЬКО МИЛЛІОНОВЪ** рублей. Билеты Скопинскаго Банка, какъ неподлежащіе ни въ какомъ случаѣ измѣненію въ своей нарицательной стоимости, принимаются Правительствомъ наравнѣ съ наличными деньгами, въ той суммѣ, на которую они выданы, по казеннымъ подрядамъ и поставкамъ. Вкладчики, усматривая значительную для себя пользу отъ возвышенія Банкомъ процентовъ на вклады противъ другихъ кредитныхъ учреждений и, создавая при томъ, что законъ, изъясненный въ Банковомъ положеніи, одинаково съ другими кредитными мѣстами благонадежно гарантируетъ вклады Скопинскаго Банка, внесли въ самое короткое время въ Банкъ вкладовъ на такую значительную сумму, что годовая оборотъ Банка простирается въ настоящее время свыше **ТРЕХЪ МИЛЛІОНОВЪ** рублей; вклады поступаютъ отъ присутственныхъ мѣстъ, отъ должностныхъ всѣхъ ведомствъ и отъ частныхъ всѣхъ сословій лицъ, отъ обществъ, церквей и монастырей: изъ Рязанской, Московской, Тверской, Тамбовской, Ярославской, Воронежской, Тульской, Казанской, Вологодской, Сибирской, Владимирской, Вятской, Саратовской, Черниговской, Смоленской, Екатеринбургской, Калужской, Кіевской, Костромской, Курской, Могилевской, Нижегородской, Новгородской, Орловской, Пензенской, Пермской, Полтавской, Самарской, Ставропольской, Псковской, Харьковской, Херсонской, Архангельской, Астраханской, Бакинской, Витебской, Виленской, Гродненской, Житомирской, Иркутской, Каменецъ-Подольской, Ковенской, Красноярской, Минской, Митавской, Велижской, Олонекской, Симбирской, С.-Петербургской, Бурляндской, Лифляндской, Тифлисской, Таврической, Кутаисской, Тобольской, Томской, Эстляндской, Эриванской, губерніей; Якутской, Оренбургской, Киргизской; Амурской, Бессарабской, Дагестанской, Забайкальской, Семипалатинской, Кубанской, Терской, Мингрельской областей, Земли Войска Донскаго, Восточной Сибири, Царства Польскаго и Великаго Княжества Финляндскаго; при такомъ всеобщемъ довѣрїи къ Банку, онъ развивался такъ быстро, какъ не развивался еще ни одинъ общественный Банкъ. Онъ на свой основной капиталъ, за прошлый годъ, получалъ дивиденда болѣе ста процентовъ на рубль; въ такомъ размѣрѣ дивиденда на основной капиталъ не получало до сихъ поръ ни одно кредитное учрежденіе.

говъ и объяснить при томъ, предоставляетъ ли онъ себѣ право, въ теченіе своей жизни, перемѣнить условія относительно вѣчнаго вклада, или таковыя должны оставаться неизмѣнными. Вклады церковныхъ суммъ въ Скопинскій Банкъ вносятся изъ Рязанской и прочихъ Епархій на основаніи **ВЫСОЧАЙШЕ** утвержденного 14-го октября 1865 года опредѣленія Святейшаго Правительствующаго Синода, которымъ предоставлено право всѣмъ церковнымъ причтамъ церковныя кошелечныя суммисылки отсылать въ Банкъ, для приращенія процентами не обращаясь къ посредству Епархіальнаго Начальства.

Банкъ принимаетъ къ учету векселя отъ лицъ всѣхъ сословій, имѣющихъ по закону право обязываться векселями по извѣстныхъ Банку своєю состоятельностью, а равно и купоны по процентнымъ бумагамъ и облигаціи вышедшія по тиражу. Учетная операція ограничивается годовымъ срокомъ; сверхъ того Банкъ выдаетъ ссуды подъ залогъ процентныхъ бумагъ, пользующихся правительственною или общественною гарантіею, товаровъ, вещей, земли, находящейся въ Скопинскомъ и другихъ уѣздахъ Рязанской губерніи и домовъ, находящихся въ городѣ Скопинѣ. Кромѣ того Банкъ проситъ у правительства разрѣшенія на выдачу изъ Банка ссуды подъ залогъ иногороднихъ домовъ. Ссуды выдаются на сроки отъ одного года до двѣнадцати лѣтъ; проценты получаются по учетной и ссудной операціямъ по ВОСЬМИ рублямъ на 100 въ годъ.

Банкъ покупаетъ процентныя бумаги, пользующіяся гарантіею Правительства или городского общества за свой счетъ и по комиссіи третьихъ лицъ. Банкъ продаетъ упомянутыя бумаги, какъ принадлежащія ему, такъ и по комиссіи. При покупкѣ и продажѣ вышеозначенныхъ бумагъ, Банкъ руководствуется биржевыми на нихъ цѣнами. Вознагражденіе за выношеніе со стороны Банка порученій, относительно покупки и продажи процентныхъ бумагъ, онъ получалъ съ суммы до тысячи рублей по $\frac{1}{8}\%$, отъ тысячи до десяти тысячъ $\frac{1}{10}\%$, отъ десяти до ста тысячъ $\frac{1}{20}\%$, свыше ста тысячъ $\frac{1}{25}\%$, съ рубля.

Банкъ открытъ ежедневно, кромѣ воскресныхъ и табельныхъ дней; въ производствѣ своихъ операцій онъ руководствуется положеніемъ ВЫСОЧАЙШЕ утвержденнымъ 6 февраля 1862 года и дополнительными къ нему правилами, изданными 16-го мая 1866 года.

Директоръ Рыковъ.

Редакторы: *Иг. Арсеній.*

Свящ. Ѳ. Никоновъ.

Печатать дозволяется. Цензоры: протоіерей *Скрябинъ* и священникъ *Волковъ*. Воронежъ. Апрѣля 29 дня, 1867 года. Въ типографіи В. Гольдштейна.